

ПРОЛОГ

В эту горную долинку — крошечный безжизненный пятачок, скрытый от любопытных глаз острыми зубцами скал, — не вело ни единой тропинки. В центре ее лежал плоский черный камень — нерукотворный алтарь. Причудливые тени змеились, погружая долину в полумрак. Ледяной ветер пробирал до костей.

Она вылетела из-за скалы, успев в последний момент; перепуганные глаза распростертой на холодном гладком камне жертвы, не отрываясь, смотрели на черный кончик тонкого стилета. Но хлопнули антрацитовые крылья, заскрипел песок под быстрыми шагами вновь прибывшей, и убийца обернулся. Молча отшвырнул от себя ненужную теперь девчонку и двинулся к гостю, пожирая ее глазами, впитывая каждый изгиб, каждую черту прекрасного тела, каждый завиток черных, как смоль, волос. Она была само совершенство!

Внешне красавица выглядела невозмутимой, лишь яростный блеск алых глаз да подернувшаяся багрянцем аура выдавали ее чувства. Грозная и неистовая, как буря, она не стала тратить время на слова, а одним гигантским прыжком преодолела разделявшее их расстояние. Миг — и он чудом успел увернуться от клинка, не задевшего даже светлых волос. Убийца выхватил свое оружие — длинное волнистое лезвие, маслянисто блестящее от наложенных на железо чар, и зарычал, увидев брезгливое отвращение на лице противницы. Одно дви-

жение, полное неистового гнева, резкий взмах, выпад — и темное острие его меча мягко вошло в нежную грудь. Глаза цвета пламени изумленно расширились.

— Ты... — Четкая линия алых губ была нарушена кровавой дорожкой, побежавшей из уголка рта. Она закашлялась, с ужасом глядя, как по мечу к ней медленно, словно нехотя, ползет удушливая волна омерзительной магии. Соприкасаясь с кровью женщины, волна набирала силу, и пару мгновений спустя чернильные жгуты колдовства оплели безупречно прекрасное тело, скручивая и разрывая его. Один удар сердца — и от ослепительной красавицы остались лишь кровавые ошметки...

Какое-то время убийца стоял неподвижно, ошеломленно рассматривая лезвие в своей руке. Аура его подернулась серо-багровыми сполохами безумия. Крик ярости и боли, отраженный холодными камнями, был похож на рев раненого зверя. Одним ударом расколов каменный алтарь, он уже собрался уходить, когда его взгляд наткнулся на хрупкую фигурку, бессильно лежащую в стороне.

— Она — моя, слышишь, ты?! Все равно — моя! — заорал он вдруг, набрасываясь на свою жертву с кулаками. — Моя! Моя! Моя!

На этот раз оружие ему не понадобилось. Взлетая с узкого каменного карниза, он оставил позади залитую кровью каменную площадку и изломанное тело юной девушки, так и оставшейся для него безымянной.

Глава 1 НА ПОРОГЕ ЧУДА

Снилась мне какая-то кровавая жуть — верный признак надвигающегося приступа, так что проснулась я в самом паршивом настроении. Привыкнуть к этому было невозможно, бороться — бесполезно. Врачи бессильно разводили руками. Еще дед, пока был жив, таскал меня по своим медицинским друзьям, но никто ничего не нашел. Хорошо еще, приступы мои с годами не становились ни сильнее, ни чаще — как началось это безобразие лет в шестнадцать, так и шло без изменений.

Я позвонила шефу, предупредила, что сегодня не приду «по техническим причинам». Он тяжело вздохнул:

— Как ты не вовремя, Александра! Нам, между прочим, после обеда на инвестком. Как я без тебя твой проект защищать буду? Ладно, отлеживайся, перенесу на следующую неделю. Сама без героизма давай! Звони, если что потребуется...

Вот уже много лет меня регулярно, раз в пару месяцев, иногда чуть чаще, иногда реже, накрывало приступом жестокой головной боли. За несколько лет совместной работы шеф успел смириться с тем, что один из его самых ценных сотрудников время от времени на два-три дня полностью теряет работоспособность. Не сразу, конечно — первое время он раздражался, потом протащил меня — за счет компании — через обследо-

ние у лучших врачей, из которых никто не смог ничем помочь, потом отступился.

Первый «звоночек» прозвенел, едва я успела положить трубку. Начало темнеть в глазах — медленно, от периферии к центру, так что спустя несколько минут я словно смотрела на мир через две крохотные дырочки в темной бумаге. Торопливо дошла до спальни, устроилась на кровати, вцепилась зубами в одеяло. Хорошо еще, Маруська уехала на неделю к друзьям. Не дело детям видеть родителей в таком состоянии. Вспомнив о дочери, я, несмотря на быстро усиливающуюся головную боль, слабо улыбнулась. У моей светлой девочки начался романтический период, она стала такой забавной и мечтательной!

Приступ мигрени накатил, выметая из головы все мысли, а с ним пришло знакомое чувство ужаса, безысходности и паническое ощущение приближающейся смерти. Я свернулась на постели тугим комочком, боясь лишней раз шевельнуть головой. Малейшее движение сопровождалось болезненным взрывом в правом виске. «Это не навсегда, не навсегда, не навсегда!» — как заведенная, крутила я в голове мантру, спасающую меня от безумия. Мне показалось, что прошла вечность, наполненная страхом и болью, прежде чем мои страдания пошли на убыль. Я взглянула на старинные ходики на стене — сам приступ длился чуть больше часа. От него осталась ноющая боль в висках и мучительная слабость.

Только ближе к вечеру я нашла в себе силы, чтобы выйти из дома. Прогулка на свежем воздухе, как правило, помогала быстрее прийти в себя. Полюбовавшись на свою бледную и осунувшуюся физиономию в зеркальной стене лифта, я медленно побрела в парк.

Именно из-за этого чудесного, огромного и запущенного «почти леса» я в свое время и купила здесь квартиру. Надела наушники, и отдаленный городской шум отступил, смытый скрипками и виолончелями. Пасмурное небо, хмурое московское предзимье. Благодаря вче-

рашнему снегопаду осенней слякоти пришел конец. Снег прикрыл мусор, разбросанный вдоль тропинок, окутал невесомым пушистым покрывалом черные изломанные ветви. Еще пару дней назад деревья выглядели безнадежными калеками, а сейчас вдруг стали причудливо элегантными.

Я шла по безлюдным дорожкам мимо засыпанных снегом скамеек, мимо почти пустой детской площадки. Лишь одинокий ребенок лет десяти, то ли мальчик, то ли девочка (сейчас их так одевают — не разберешь), медленно покачивался на качелях, провожая меня взглядом из-под светлой челки. На несколько секунд и мне остро, почти до боли захотелось вернуться в детство — время, когда чудеса еще возможны.

Вот и конец моей любимой аллеи, упирающейся в крутой склон, почти обрыв. Я привычно глянула вниз; небольшая полянка под обрывом всегда казалась мне волшебной, сама не знаю почему. Прямо подо мной, рядом с крохотной речушкой, стояли какие-то непонятные бетонные развалины, до того неудобные на вид, что даже местные алкаши никогда там не устраивались, хотя летом и тенек густой, и есть, где сесть, постелить газетку, разложить выпивку-закуску.

Припорошенная снегом конструкция тоже преобразилась, стала сказочным лабиринтом; лохматый куст в центре, должно быть, дракон, подстерегающий неосторожных путников. А вот эта торчащая арматура будет у нас замковыми оборонительными сооружениями... Я перегнулась через низкий бордюр, вглядываясь в переплетения бетонных балок и плит — показалось, что внутри пульсирует, разгораясь, радужный огонек. В этот момент что-то резко и сильно ударило меня в спину. Удержаться на ногах не было ни малейшего шанса — я стояла на самом краю обрыва, даже немного наклонившись вперед. И вот, подавившись собственным криком и крепко зажмурившись от страха, я понеслась головой вниз, прямо на торчащую из бетона арматуру.

Говорят, в критические моменты чувство времени у человека меняется, и последние несколько секунд растягиваются так, что он успевает вспомнить всю свою жизнь. Не врут. Жизнь моя пролетела перед глазами: детство, любимый дед, заменивший мне рано погибших родителей, учеба в институте, короткий несчастливый брак — кошмар, о котором я так старалась забыть, рождение Марульки, моей гордости, моя работа...

На пункте «работа» мне показалось, что падение длится как-то уж слишком долго, так что я рискнула приоткрыть глаза. И тут же снова зажмурилась: вместо неуклонно надвигающихся на меня бетонных блоков с торчащими железными прутьями впереди, насколько хватало глаз, тянулись гладкие стены тоннеля, сотканного из бело-радужного пульсирующего света, вдоль которых я неслась с головокружительной скоростью. Видимо, размышляя о бессрочно закончившейся жизни, я пропустила момент удара и теперь перешла к следующему этапу. Интересно, в источниках на тему «того света» сам тоннель темный вроде, а свет только в конце, почему же тогда... Ох!

Удар был неожиданным и довольно ощутимым, к тому же, падая, я прикусила язык, — больно, да еще и до крови, судя по солоноватому привкусу. Но это же значит, что я жива?! Осторожно приоткрыв глаза, чуть осмотрелась и, кажется, забыла, как дышать от изумления, потому что место, в котором я очутилась, никак не могло быть Москвой. Более того, у меня возникли серьезные сомнения, что оно может быть Землей. Так... Или я крепко ударилась головой и все происходящее со мной — это бред. Или я сошла с ума, и это... тоже бред. Ну и самый невероятный вариант: со мной произошло то самое чудо, о котором я смутно тосковала несколько минут назад. Вот только я бы предпочла прочитать о таком чуде в толстой книжке с картинками, уютно устроившись в кресле. Ведь *на самом деле* от таких приключений ничего хорошего ждать не приходится.

Привычку читать фэнтези я переняла от дочери, которая еще в средней школе вдруг принялась взахлеб рассказывать мне про драконов, эльфов и всяческие чудесные попадания в параллельные миры. С детства предпочитая детективы, я сперва посмеивалась над «несерьезным чтивом», но постепенно втянулась. Таким образом, мой замечательный бред вполне можно было бы объяснить избытком фэнтезийной дури в организме. На всякий случай я несколько раз открыла-закрыла глаза, ущипнула себя и потрясла головой. Открывавшийся мне вид ничуть не изменился. Так, спокойно, Александра! Исходить следует из того, что это все-таки чудо. Это самое разумное. Если окажется бредом, никто и не узнает, а вот с чудом, если это оно, придется разбираться. Вернув себе подобие душевного равновесия, я встала и огляделась.

Надо мной, подтверждая самые смелые сомнения в реальности происходящего, высилось пронзительно-голубое небо, украшенное двумя бледными лунами. Одна — очень похожая на нашу Луну, вторая — почти вдвое больше, да еще и с сиреневым отливом. Обе в третьей четверти, до полнолуния неделя, автоматически отметила я. Если у них тут длина месяца как у нас, конечно. Так, астрономическими наблюдениями займемся чуть позже, сейчас надо срочно спускаться на землю.

На земле тоже было на что посмотреть. Я приземлилась на кучу старой соломы в небольшом закутке между какими-то ветхими деревянными сараями. Сам закуток размещался на склоне горы, склон этот плавно спускался в долину, которая, в свою очередь, выходила к морю сказочно-бирюзового цвета — того, что так часто изображают на рекламных проспектах туристических агентств. До сегодняшнего дня я была свято уверена, что такой цвет можно увидеть только в фильмах и на щедро офотошопленных картинках, но нет же, вот еще один вариант — как следует навернуться с обрыва, предположительно вмазавшись головой в бетонные блоки...

или чудесным образом попасть в другой мир. Я подавила истерический смехок и принялась изучать ближайшие окрестности.

В долине, раскинувшейся у моих ног, располагался город самого что ни на есть туристически-средневекового вида. Неуловимо европейский, вроде Праги, Котора или Амстердама, только домики почему-то с полукруглыми фасадами. Улицы из-за необычной формы домов и отсутствия прямых углов казались небрежно скрученным кружевом, а сам город был похож на замысловатую узорчатую спираль, от которой в стороны расходились мелкие боковые ответвления, в одном из которых я и оказалась. На вершине прибрежного холма, чуть в стороне от города, высился величественный замок из светлого камня. Четыре огромные башни, зубчатые стены и, кажется, даже подъемный мост — на таком расстоянии рассмотреть детали было сложно.

Я снова переключилась на город. Несмотря на необычные черты, все равно было похоже на старую Европу — красные крыши, трубы с белым дымком, горбатые каменные мостики над извилистой речкой, спускающейся с невысоких гор, и многочисленные шпили крошечных изящных башенок. Широкие и степенные в «парадной» части города, внизу улицы становились уже и заплетались в совершенно уж непроходимый лабиринт. Крыши темнели, строения мельчали и без всякого видимого перехода вдруг расплзались по широким волноломам и уходящим вдаль причалам, тоже изогнутым дугой. Возле причалов стояли кораблики — крупные и мелкие, парусные и чудные колесные, похожие на старинные пароходы.

Щеки пощипывал легкий морозец, но снега не было. Солнце стояло довольно высоко, то есть дело было в середине дня. Сняв наушники, я услышала шум моря, ветер и гул города — совершенно не такой, как у нас, но не оставляющий сомнений в том, что это — город.

Нужно было что-то делать — куда-то идти, искать

ночлег, еду, как-то устраиваться, а главное — выяснять, есть ли у меня возможность вернуться. Это юные девы — героини фантастических романов — легко начинают новую жизнь в новых мирах, находят там себе мужчину мечты, овладевают новой профессией. Еще бы, у них вся жизнь впереди! А у меня возраст, дочь на первом курсе, вполне себе любимая работа, хотя черт бы с ней, с работой... Просто я точно знаю, что в сказках — сплошное вранье. «Не хочу чудесный новый мир, хочу домой! — расстроено подумала я. — Все хорошо вовремя, и в эту сказку надо было отправлять меня лет двадцать назад». Впрочем, кто бы меня спросил...

Ветер донес до меня новые запахи, и я брезгливо скривилась — судя по ароматам, у них тут проблемы с канализацией, отопление печное, и горячей воды наверняка нет. Ладно, если это не посттравматический бред, мои мозги при мне, а это уже немало. Надеюсь, с правами женщин тут не так паршиво, как в Средние века. Впрочем, при любом варианте выкручусь, главное — не раскисать и смотреть на вещи позитивно. В конце концов, когда еще удастся выбраться на экскурсию в совершенно неизвестный мир!

Подбодрив себя этим рассуждением, я внимательно огляделась, стараясь мыслить конструктивно. Приземлилась я, судя по всему, в каких-то трущобах — строения вокруг были крайне неказистыми. Люди, которых я смогла разглядеть на ближайших улицах, щеголяли живописными многослойными лохмотьями. Хорошо, что я сегодня по случаю прогулки была одета удобно и неброско — в черную куртку, кроссовки и черные же джинсы. Вот шеф вспомнит меня добрым словом на ближайшем инвесткоме! Последние пару лет он в мои проекты не вникал, так что ему придется осилить огромный объем информации... Впрочем, у меня сейчас проблемы посерьезнее торгов с инвесторами. Я грустно вздохнула. Соберись уже, тряпка!

Итак, план на ближайшее время. Во-первых, надо, не

привлекая к себе внимания, пробираться в город, выбирая, по возможности, приличные районы. Во-вторых, выяснить, что у меня с языковым барьером — маловероятно, что в реальности существуют все те волшебные эффекты, которые позволяют пришельцам из «параллельного мира» с легкостью понимать аборигенов. В-третьих, как-то надо на первых порах устроиться. Сосредоточимся на простых вещах: безопасность, ночлег, еда...

Господа сказочные рыцари и прочие принцы на белых конях! Принцессу предложить не могу, но если что, вот она, я — самое время спасать! Что, никого нет? Ну и фиг с вами! Сама справлюсь!

Забравшись на приступочку ближайшего сарая, осмотрела лабиринт улиц сверху, постаралась запомнить план зоны моих боевых действий. Прикинула наиболее короткий маршрут к приличным районам, провела краткую ревизию содержимого карманов — вдруг есть что-то, что можно использовать в качестве оружия или для обмена на еду. Беспольный мобильник, наушники, часы, золотое кольцо, ключи, пригоршня мелочи, проездной на метро, пластиковый пропуск в офис. Не густо. Идти решила, не прячась, с крайне целеустремленной физиономией, при попытке со мной заговорить буду делать вид, что я занятая иностранка, что, в общем, недалеко от истины. Итак, делаем морду кирпичом и решительным шагом выходим на узкую улочку!

Мой план отлично работал целых полчаса. Я почти покинула трущобы — а это были именно трущобы, с покосившимися домами, грязной вонючей мостовой (мне еще повезло, что был морозец), крысами и кучами мусора в самых неожиданных местах. Моя одежда была скорее мужской, низко надвинутый козырек шапки и шарф, намотанный на подбородок, скрывали лицо, а моя широкая размашистая походка никогда не была женственной. Встречающиеся мне оборванцы не особенно обращали на меня внимание. Пару раз меня пыта-

лись окликнуть, но я проигнорировала выкрики в спину — и никто не бросился вслед.

Мне оставалось спуститься на пару уровней, чтобы достичь приличных улиц. Я уже видела ухоженные черепичные крыши, конные повозки и цветы на окнах, когда между камней под моими ногами что-то блеснуло. Быстро оглядевшись — вокруг ни души, я подняла прелестный серебряный кулончик в виде трех лепестков пламени. В каждом лепестке был камешек своего оттенка красного, поэтому казалось, что пламя живое. Мне даже померещилось, что кулончик немного нагрелся от моего прикосновения. Сочтя свою находку добрым знаком, я засунула ее в задний карман джинсов.

Несмотря на благоприятное, казалось бы, предзнаменование, уже за следующим поворотом удача меня покинула. Сзади вдруг раздался длинный переливчатый свист, а из темной подворотни в десятке метров передо мной вынырнули три темные тени. Я бросила взгляд через плечо — сзади бежали еще двое.

По всем законам жанра тут-то бы и появиться кому-нибудь спасителю, разогнать обнаглевшую шпану, оказаться прекрасным принцем, ну или, на худой конец, просто благородным рыцарем. Но такие сказки мне почему-то никогда не достаются, вечно приходится самой решать свои проблемы. Я извлекла из кармана куртки пригоршню мелочи и тяжелую связку ключей — три ключа от квартиры, два от офиса, ключи от машины и от гаража. Отступила к глухой стене — так сзади по голове неогреют. Не тем я занималась в жизни, ох не тем! Надо было тренироваться, осваивать карате, сейчас бы живо накостыляла этим злобным доходягам и легкими прыжками унеслась бы в туманную даль!

Доходяги между тем неспешно приближались. Главный — его легко было вычислить по самому наглому виду — что-то сказал с мерзкой усмешкой, открывшей дырку вместо переднего зуба. Вопрос с языковым барьером прояснился — я ничего не поняла, ни славянских,

ни латинских, ни германских корней в его речи не прозвучало, хотя построение фразы и интонационный рисунок были вполне ясны. Скорее всего, предлагает отдать все добровольно. Или пошло шутит. Да, точно, шутит — его подельники мерзко захихикали. Воодушевленный моим молчанием, щербатый подошел почти вплотную. Изо рта у него воняло тошнотворно. Он посмотрел на мех моей куртки и присвистнул. «Это же трущобы! — вдруг осенило меня. Я похолодела. — От них колечком не откупишься, разденут догола!»

Чертов принц на белом коне все не появлялся, так что рассчитывать на помощь извне не приходилось. Я злобно ощерилась, сделав одновременно две вещи: левой рукой швырнула пригоршню монет в лицо сутулого тощего субъекта, заслоняющего мне выход, и изо всех сил залепила щербатому в ухо правой с зажатыми в ней ключами. И тут же рванула вниз по улице. Какая же молодец я, что надела кроссовки!

Но даже в кроссовках бежала я слишком медленно, неповоротливое дитя современной цивилизации, жалкий адепт вкусной еды и сидячей жизни. Бандиты нагнали меня в переулке, выходящем на «приличную» улицу. Ударили сзади чем-то тяжелым. Ну где же ты, спаситель на белом коне? Я рухнула на камни мостовой, основательно приложившись головой. В глазах потемнело. Я еще успела почувствовать, как с меня содрали куртку, шапку и кроссовки, пнули в живот, наступили на руку тяжелым ботинком... Вроде бы кто-то закричал — наверно, это была я... Потом в голове взорвалась боль, и все пропало.

Сознание возвращалось медленно и крайне неохотно, и понятно почему — стоило мне чуть-чуть прийти в себя, как я почувствовала мучительную боль — болели голова, спина, руки. Очень хотелось пить. Меня знобило, а по ногам бегали какие-то подозрительно увесистые мурашки. Совсем не хотелось открывать глаза, но де-

лать было нечего. С минуту передо мной плавали только темные круги, но постепенно зрение прояснилось.

Стояла ночь — ослепительно красивая, звездная. Я лежала, судя по всему, у стены в том самом переулке, прямо на стылой земле, босая, раздетая до джинсов и тонкой водолазки с разорванными в клочья рукавами. Снять, что ли, пытались? Ревматизм — это самое меньшее, что я уже подхватила. Я попробовала сесть и едва не заорала: во-первых, эта попытка резкой болью отозвалась в позвоночнике, а во-вторых, «мурашки» оказались парой крыс, лениво сидевших на моих ногах. Мой вскрик быстро перешел в сипение и бульканье — кажется, кровь пошла горлом. Что ж, это — проза *настоящей* жизни, которую вам не опишут ни в одной сказочной книжке, уж очень быстро она тогда закончится.

Я лежала, глядя на незнакомый рисунок созвездий, в груди болезненно хлопало при каждом вздохе, а из глаз лились тихие слезы — на большее просто не хватало сил. Было безумно обидно умирать вот так, в первой попавшейся грязной подворотне сказочного мира. Но книжки пишутся не о таких, как я... Ау, принц, черт бы тебя побрал! Спасай уже меня, или будет поздно! Вечно вас не дозовешься, когда надо... Холод пробирал до костей. Звездное небо надо мной расплылось от слез, мигнуло раз, другой, и погасло. Мир стремительно заволочла тень, мне показалось, что я лечу — который уже раз сегодня. Рот наполнился теплой соленой жидкостью... кровь? Я отключилась.

Глава 2 ДВЕ ЛУНЫ

«Видимо, все происшедшее со мной все-таки было бредом», — поняла я, увидев, что нахожусь в больничной палате. Светлые стены, белая с замысловатым цветочным узором ширма, постель, темный прямоугольник

окна, занавешенный легкой шторой. Прямо перед моим носом лежала рука — моя рука, в лубке. Одна нога висела на оттяжке, задранная вверх. Голова также была забинтована, край бинта маячил в поле зрения. Я попробовала пошевелиться и, не сдержавшись, застонала — тело пронзила резкая боль. Ничего себе, влетела! Наверняка еще и сотрясение мозга имеется, что-то меня затошнило вдруг. Что это за больница? Не похожа на обычную. Сколько я здесь провалялась? Знает ли уже Маруся? Что на работе?

Откуда-то сзади раздался звук открывающейся двери, и послышались быстрые шаги. Появившийся в поле моего зрения высокий худошавый мужчина мягко улыбнулся и спросил:

— Как ваше самочувствие?

Лицо его, угловатое и асимметричное, было обрамлено короткими темными волосами. Усы и небольшая бородка — такие, кажется, называют эспаньолками — аккуратно подстрижены. Его нельзя было назвать красивым — слишком резкие и жесткие черты лица. Впрочем, впечатление он производил скорее приятное, особенно когда улыбался. Сначала мне показалось, что он немногим старше меня, но, заглянув в серьезные глаза, я поняла, что ошиблась. Старше, гораздо старше, хотя выглядит для своего возраста просто превосходно. Стиляга — без халата, в каком-то очень оригинального покроя то ли френче, то ли пиджаке. Это, Впрочем, ни о чем не говорит. Может, он, как доктор Хаус, ненавидит халаты, а врач хороший. Главное, что говорит по-русски! То есть я все-таки на Земле.

— Вы врач? Это Москва? Боже мой, это были глюки, какое счастье! — просипела я и неожиданно для себя разрыдалась — от непереносимого облегчения слезы безудержно хлынули из глаз. Мужчина немного опешил от столь бурной реакции на свой невинный вопрос, но врачи, наверно, привыкли к странному поведению пациентов.

— Ну-ну, не стоит расстраиваться, — ласково забормотал доктор, ловко утирая мои слезы, — все уже хорошо. Вам ни в коем случае нельзя волноваться сейчас, так что возьмите себя в руки. Вот выпейте-ка! — Не дожидаясь моего ответа, он влил мне в рот пару глотков теплого кисловатого напитка и положил на лоб прохладные пальцы. Его невозмутимое спокойствие, видимо, как-то передалось и мне, истерика отступила. Немного отдышавшись, я застенчиво объяснила ему причины моих слез.

— Черепно-мозговые травмы могут вызывать галлюцинации, — дружелюбно подтвердил доктор мои предположения. — То, что вы рассказали, исключительно интересно! Давайте сделаем так. Я сейчас вас осмотрю — пульс, температура, повязки, а вы мне расскажете подробно, что с вами произошло — и наяву и... в вашем бреде. Старайтесь только не напрягать горло, говорите лучше вполголоса или совсем шепотом.

Изъяснялся он очень церемонно, будто не сидел у постели больной, а находился на официальном королевском приеме. Поначалу я немного смущалась, излагая содержимое своего бреда, но мой собеседник слушал внимательно, задавая уточняющие вопросы так серьезно, как будто речь шла о совершенно реальных событиях. «Должно быть, интересный клинический случай, — подумалось мне, — так на моем примере еще и диссертацию напишут — «О влиянии прочитанного на содержание галлюцинаций при черепно-мозговых травмах». Войду в историю!»

Пока я рассказывала, врач успел подержать меня за запястье, пробежался чуткими длинными пальцами по повязкам, посветил в глаза забавным фонариком в форме светящегося шарика, который очень ловко откуда-то извлек, а потом так же ловко, как фокусник, куда-то спрятал. Покачал головой. Подумал немного, затем исчез из поля моего зрения, звякнул посудой у изголовья.

— Выпейте еще и это. — У моего лица появилась чаш-

ка, из которой пахло чем-то противно-лекарственным, я послушно проглотила терпкое питье. — Вам необходимо поспать.

— Подождите, доктор! — Я вдруг сообразила, что даже не знаю, как его зовут. — Мне нужно позвонить дочери и на работу. И скажите, пожалуйста, надолго ли я у вас тут застряла?

— Дочери? — На секунду мне показалось, что он потрясен, но нет, видимо, померещилось, он был все так же доброжелателен и невозмутим. — Хм, подскажите, как ее найти, я с ней свяжусь. А мужу... не надо позвонить? — сухо, почти неприязненно спросил он. Я попыталась помотать головой, но быстро поняла, что делать этого не стоило, в глазах потемнело.

— Не шевелите головой, при вашей травме это вредно.

На мой лоб снова легли сухие прохладные пальцы, стало немного легче.

— Я все понял: с дочерью свяжемся, с мужем не надо. С работой разберетесь потом, это не к спеху. И настройвайтесь на то, что вы застряли *здесь* надолго. — Он лукаво усмехнулся, как будто находил в этом что-то ужасно забавное.

Странный немного у человека юмор. Я продиктовала ему пароль от мобильного и объяснила, что в телефонном справочнике надо искать запись «Маруська». Потом попробовала было задать ему еще какие-то вопросы, но вдруг поняла, что сил у меня нет совершенно, а язык заплетается и отказывается меня слушаться. Я жива, я почти дома, я в безопасности, куда мне спешить? Глаза мои сами собой закрылись, и я провалилась в сон.

В следующий раз я пришла в себя днем, в окно било солнце. Растяжку с ноги сняли, остались только бинты, — странно, так быстро? Не могла же я проспять месяц? Или бреда в моих воспоминаниях больше, чем кажется? На голове еще что-то намотано, левая рука без бинтов, на правой вместо лубка осталась только легкая повязка. Ужасно хотелось в туалет, умыться, попить,

надо было срочно звонить Маруське и на работу. Я даже не знаю, какое сегодня число, в какой больнице я лежу, нашли ли они мою страховку и во сколько мне этот незапланированный отпуск обойдется! Надо было вместо того, чтобы развлекать доктора своим красочным высокохудожественным бредом, выяснить более практические вопросы, а я...

Прислушалась к себе — чувствую себя вполне сносно. Повернулась на бок, медленно и аккуратно спустила ноги на пол. Холодно, тапочек нет, но ничего, потерплю. Теперь сесть... Ох! Поясницу пронзила боль, я дернулась; пальцы нащупали тугую повязку поперек живота. Ничего себе, пока лежала, даже и не болело. Но не гипс, не корсет, просто повязка. Зато понятно, откуда глюки про позвоночник. Так, а теперь — встать!

Меня ощутимо качало от слабости, но падать я не падала. Стараясь крутить головой плавно, не делая резких движений, осмотрелась. Кровать, столик у изголовья, на нем стакан с водой и бутылка темного стекла с затейливой этикеткой под старину. «Современный маркетинг медицинских препаратов: «Мы лечили еще ваших прадедушек!» — ухмыльнулась я про себя.

Двинулась было к двери, но, поддавшись внезапному порыву, развернулась и шагнула к окну, отдергивая штору — интересно же, где я. От увиденного мои колени резко ослабли, и я тихо застонала, бессильно сползая на пол. Из узкого окна открывался вид на все тот же закрученный спиралью город. С пронзительно-голубого неба, на этот раз — с мелкими облачками для разнообразия, издевательски смотрели две луны. Все в той же третьей четверти.

...Мне снилось, что я маленькая девочка и бабушка несет меня на руках спать. Я плавно покачивалась, убаюканная его шагами, он поцеловал меня в лобик и, тяжело вздохнув, сказал глухим голосом:

— Бедный мой воробушек, такое потрясение!

Я попыталась поуютнее устроиться в его бережных объятьях, и со стоном открыла глаза — потревожила поясницу. Меня действительно несли на руках, только не дедушка, а темноволосый врач из моего бреда. Увидев, что я открыла глаза, он, смутившись немного, замедлил шаг, а затем насмешливо-светским тоном пояснил:

— Вы очень беспокойная пациентка, должен заметить. Поскольку вы поспешили все разузнать самостоятельно, я решил переселить вас в более уютные покои. Доберемся до спальни, устрою вас на новом месте, и мы поговорим, хорошо?

— А я не могу... дойти сама?

Первый порыв — орать и сопротивляться — я подавила в зародыше. До сих пор не убили и даже лечат — значит, пока я в безопасности. Но очень хотелось ощутить твердую почву под ногами, к тому же мне было неловко — пожилой человек все-таки. Хотя нес он мой вес без видимого напряжения, даже дыхание не сбилось.

— Ерунда, — бросил мой... мой врач? — вы месяц пробыли без сознания и сами далеко не уйдете, на ногах бы устоять. — Он широко улыбнулся и шутливо заметил: — К тому же это жестоко, лишать меня удовольствия носить на руках такую симпатичную девушку.

— Ме-е-есяц? — жалко probleяла я. — А как же... Маруся, моя работа?

— Подозреваю, что как-то они там без вас справляются, — разом посерьезнев, отрезал мужчина, ногой распахивая дверь в просторную светлую гостиную, обставленную громоздкой, но очень уютной мебелью — огромный резной гардероб, пушистый ковер. Я не успела все рассмотреть, потому что мы сразу перешли в спальню. Кровать под золотистым балдахинном, туалетный столик, какие-то причудливо изогнутые диванчики в углу, пара глубоких кресел, филенчатое окно. По стилю вполне соответствует тем средневековым видам, что я наблюдала, машинально отметила я.

— Вы хотели бы умыться? Пить? Есть? И скажите, наконец, как вас зовут?

Мы стояли посередине комнаты, но с рук меня не спускали. Сюрреализм происходящего зашкаливал настолько, что я даже в истерику не впала, мне все казалось, что вот-вот проснусь.

— Меня зовут Саша. Да, я хочу умыться... и одеться. — Небольшая ревизия показала, что я завернута в простыню, под которой нет ничего, кроме бинтов. — И пить. А как мне называть вас?

— Сашша? — Доктор странно произносил мое имя, удваивая шипящую. Кажется, оно его чем-то поразило. Он очень пристально взгляделся в меня, прищурился глазами, разочарованно покачал головой, словно не увидел чего-то важного для себя. — Приятно познакомиться, *несса* Сашша. Зовите меня Гаррет. *Ньес* Гаррет, — ответил он и, толкнув дверь плечом, внес меня в большую ванную комнату. — Здесь все примерно так же, как в вашем мире, так что разберетесь, — сказал он сухо. — Я скоро вернусь.

Мои опасения насчет отсутствия удобств в этом мире не оправдались, что немного успокаивало — может, и в остальном он окажется не таким отсталым? Да и вообще, грех мне жаловаться! Пусть и не без потерь, но с проблемой языкового барьера я как-то не столкнулась, спасти меня спасли, знать бы еще, зачем, но не похоже, чтобы собирались злобно мучить. И вряд ли столько возни для того, чтобы жестоко надругаться. Подумав об этом, я скептически хмыкнула. О моем мире этот *ньес* Гаррет тоже знал, и, похоже, не понаслышке. Так что шансы на возвращение можно оценить как неплохие.

Совсем повеселев от этой мысли, я рискнула снять повязки, чтобы помыться. Каждое движение давалось с трудом, приходилось часто отдыхать. На ванну меня не хватило, обошлась душем, после чего принялась рассматривать себя в огромном, темного стекла, зеркале. Картинка была настолько неприглядной, что даже сле-

зы навернулись. Вокруг глаз красовались синяки, страшные, почти черные. Видимо, от ударов по голове. От виска к уху шла полузажившая ссадина, на щеке вздулась жуткая гематома... Шея была исцарапана, на спине вокруг поясницы — сплошное синее пятно, чуть пожелтевшее по краям. Правая кисть слушалась меня неважно. На ногах и руках кое-где были крупные синяки, но по сравнению с головой и поясницей это была ерунда. Я заметно похудела (мыслим позитивно, это хорошо!), но ноги с трудом держали оставшийся вес — еще бы, месяц в постели. Хотя какой месяц, синяки-то свеженькие, от силы неделя. Интересно, как такое возможно? Или часть моих воспоминаний все-таки бред? В любом случае я довольно легко отделалась.

— Я в первую очередь сосредоточился на устранении внутренних повреждений, несса, — пояснил мне Гаррет, появившись бесшумно, как призрак. — А синяки и поверхностные раны просто погрузил в стазис... законсервировал и обезболит. Поэтому они заживают так медленно.

Он вошел без стука и увидел, как я грустно рассматриваю себя в зеркале.

Я смутилась и судорожно дернулась за своей простыней. Получилось неуклюже, я не рассчитала сил и едва не упала. Мой новый знакомый с непроницаемым лицом поймал меня практически на лету и бережно, точно хрупкую вазу, закутал в большое пушистое полотенце.

— Спину мы вам долечим через неделю, голова почти в порядке, — придерживая полотенце, продолжал он, тактично не замечая моего смущения. — Дней через десять дойдем до синяков, пусть они вас не тревожат, пройдут бесследно. К сожалению, в силу некоторых проблем с магией вы выздоравливаете очень медленно. И, пожалуйста, больше не снимайте повязки без меня!

Я тупо молчала, происходящее упорно не желало укладываться в моей голове. Не дождавшись ответа, доктор снова подхватил меня на руки, отнес на кровать,

бесцеремонно развернул, вымазал с ног до головы какой-то прохладной, моментально впитывающейся мазью, забинтовал поясницу и руку. Затем ныс Гаррет залез в шкаф и, порывшись в нем, достал длинную старомодную ночную сорочку.

— Я позволил себе подобрать вам кое-какую одежду, потом посмотрите, выберете, — сказал он, протягивая мне сорочку. — Пока достаточно будет этого, сейчас я помогу вам одеться. Вставать еще несколько дней нельзя. — Под его пристальным, оценивающим взглядом мне стало не по себе, и я почувствовала, что краснею. Стоит, рассматривает меня, как диковинного зверя... Он раздраженно дернул левой бровью, молча помог мне облачиться в ночную рубашку, на ощупь похожую на очень нежную фланель, завязал тесемки на вороте — меня плохо слушались пальцы — и назидательно произнес:

— И прекратите стесняться и раздражаться. Вам вредно нервничать, нельзя много двигаться, и вообще требуется покой, так что извольте терпеть мою помощь. Я врач, любезная несса, смущаться меня просто нелепо.

— «Несса» — это обращение? — уточнила я непонятное слово. Мой собеседник кивнул, и я продолжила: — Простите, ныс, но мое волнение естественно, вы не находите? — Я через силу заставила себя вежливо улыбнуться, надеюсь, не слишком вымученно. — Конечно, большое спасибо вам за заботу. Вы не очень удивлены, увидев меня здесь, понимаете наш язык, знаете, как выглядят ванные комнаты на Земле... Мое появление здесь нормально? Из нашего мира к вам часто прилетают... не-ссы вроде меня? — Едва оправившись от первого шока, я не могла удержаться от вопросов. Шеф в таких случаях шутил, что к моему последнему вопросу все успевают забыть первый.

Ныс Гаррет фыркнул, то ли неодобрительно, то ли наоборот, не поймешь.

— Вы быстро пришли в себя после первого потрясе-

ния, несса Сашша, это хорошо. Ваша пластичная психика позволит вам быстро адаптироваться в новых условиях. Давайте по порядку. Для начала я попрошу вас отправиться сейчас в постель. Как я уже говорил, вам нужен покой.

Забраться на кровать я сама не смогла, хотя честно попыталась, в самый ответственный момент от слабости подломились колени. Ньес Гаррет поймал меня у самого пола, осторожно усадил на постель, обложил подушками, чтобы мне было удобно сидеть, прикрыл одеялом, тщательно подоткнув его по краям — ну точь-в-точь заботливый дедушка. И вдруг легко и шутливо щелкнул меня пальцем по носу.

— Все будет хорошо, не грустите, несса! Мы поставим вас на ноги. Главное, чтобы вы много отдыхали и хорошо кушали. Устроились? Сейчас будете осваивать иномирскую кухню!

«Иномирскую» — от одного этого слова у меня начисто пропали жалкие остатки аппетита. Я тоскливо огляделась. У кровати за время моего пребывания в ванной появился небольшой сервировочный столик, на котором стояла пара горшочков, накрытая изящной салфеткой тарелка и кувшин с кружкой. Гаррет всучил мне ложку, почти как у нас, только с причудливо изогнутой ручкой, и небольшой, приятно пахнущий горшочек в смешном кармашке, сшитом из цветных лоскутков. Есть совершенно не хотелось, но строгий взгляд пресек все возможные возражения на корню. Я покорно погрузила ложку в горшочек.

— Ньес... Вы расскажете, что со мной произошло? Как долго мне нужно будет оставаться в постели? Смогу ли вернуться домой? Что это за мир? Кто вы и почему мне помогаете? Что...

— О, сколько вопросов сразу! — Он рассмеялся, и его строгое суровое лицо сразу преобразилось, стало куда более располагающим. — Ешьте, несса Сашша, а я буду вам рассказывать. Ньес и несса — это, как вы правильно

догадались, обращения, соответственно, к мужчине и женщине.

Я нерешительно зачерпнула ложкой горячее варево. Пахнет вкусно, по виду — мелко нарезанное мясо с овощным пюре, горячее, с какими-то пряными травами. Кивнула осторожно — мол, все в порядке. Движение отдалось в висках тупой болью. Мой собеседник, заметив, как я поморщилась, вздохнул, покачал сокрушенно головой в ответ на какие-то свои мысли и «кратко изложил основные факты». Аппетита от этих фактов у меня не прибавилось.

Мир, в котором я оказалась, назывался Тассин и был расположен «очень близко к Земле».

— У нас такое расстояние называют «на язычок свечи», но для вас, несса, это пока несколько метафизическое понятие, так что не забивайте себе голову, — снисходительно пояснил Гаррет. — Думаю, с концепцией параллельных миров вы, в общих чертах, знакомы? Вот Тассин, в некотором смысле, такой параллельный мир и есть.

В общем, это самое метафизическое расстояние между нашими мирами было достаточно небольшим, чтобы сделать возможным перемещения между ними, — не для всех, но я попала в число этих «счастливиц». Попасть обратно я в силу каких-то объективных физических законов не могла, так что мне предстояло устраиваться здесь. Мир был «вполне уютным и экологически чистым» (да-да, он так и сказал). А еще Тассин был полноценным сказочным миром.

— Сказки читали там, у себя дома? — спросил Гаррет и, дождавшись моего утвердительного мычания, пояснил коротко: — Подробности позже, но в целом у нас все примерно как в земных сказках — с эльфами, гномами, магией, колдунами.

— А драконы? Они есть в вашем мире? — Драконы почему-то всегда привлекали меня больше других фантастических персонажей.

— Занятно, что вас интересуют именно драконы, — задумчиво погладил свою эспаньолку Гаррет. Я спокойно заерзала. Что он имеет в виду, сказав «именно драконы»? Надеюсь, меня не откармливают для принесения в жертву чешуйчатому монстру. Может, они едят только иномирских женщин?

— Сейчас расскажу, — продолжал Гаррет, то ли не заметив, то ли проигнорировав мой подозрительный взгляд. — Драконы конечно же есть, причем не только в Тассине, на Земле тоже. — Я замерла, изумленно раскрыв рот. — Просто на Земле их почти невозможно отличить от людей.

По словам Гаррета, выходило, что драконы и на Земле рождались — не часто, но регулярно. Просто на Земле из-за отсутствия магии они не могли развиваться до взрослой стадии. Детская форма у драконов была такой же, как у людей — человеческая. Так что земные драконы были такие же точно, как люди, не отличить. Почти полное отсутствие на Земле магии приводило к тому, что земные особи погибали в глубоком драконьем детстве. В нормальном магическом мире типа Тассина драконы, по словам Гаррета, жили по несколько тысяч лет.

— Первый этап развития дракона примерно лет до сорока — пятидесяти, и здесь, на Тассине, полностью проходит в человеческом облике. И лишь потом дракон обретает крылья и получает способность меняться. — Гаррет посмотрел на застывшую на полпути ложку и укоризненно перевел глаза на меня.

— То есть все драконы — оборотни? — попыталась я уложить новые знания в сложившиеся на основе чтения фэнтези представления.

— Почему это вдруг? — изумился Гаррет. — Оборотни — это совершенно другая раса, иная физиология, магия, все другое.

— Ну-у, раз меняют облик, — неуверенно протянула я.

Левая бровь Гаррета поползла вверх, губы изогнулись в насмешливой улыбке.

— Как приятно встретить среди землян специалиста по магическим расам, — ехидно пропел он. — Вы, несса, кушайте, кушайте, не отвлекайтесь! — Он снова посмотрел на забытую ложку. Я поспешно сунула ее в рот, и он продолжал: — Драконы меняют свой облик совершенно иначе, чем оборотни. На Земле они лишены возможности пользоваться своей магией и угасают без нее. Цикл драконьей жизни на Земле такой же, как у людей, а продолжительность жизни даже меньше.

— О, как печально, — расстроилась я, начисто забыв свои недавние подозрения. — Неужели нельзя их как-то находить и перетаскивать в этот мир?

— Вы крайне нетерпеливы, несса, — неодобрительно произнес мой собеседник. Он заглянул в почти полный горшочек и сокрушенно покачал головой. — И практически ничего не съели. Вероятно, это не та еда, что вам нужна. Попробуйте вот это. — Он выложил в небольшую плоскую тарелку куски чего-то белого — то ли зернистый сыр, то ли творожная запеканка, то ли рисовый пудинг. — Это можно есть руками. Не смотрите так беспомощно, возьмите салфетку!

Ну точно дедушка! Сейчас еще воспитывать возьмется, и в этой старомодной высокопарной манере будет читать мне длинные нотации... Нет, не взялся, просто продолжал свой рассказ, сосредоточившись на так заинтересовавших меня драконах. Чтобы его не раздражать, откусила кусочек — фу, приторно сладкое! Гаррет снова строго на меня глянул, пришлось жевать. А то начнет читать новую нотацию, а времени на интересную и важную информацию не останется.

В общем, иногда драконов удавалось спасать, за ними на Землю специально отправлялись какие-то *алайи*. Как правило, найденные драконы успешно адаптировались и все у них было хорошо. Но бывали и исключения. Найти на Земле дракона было непросто, а в последние

лет двести неудачи случались все чаще... Да, этот ньес Гаррет, похоже, изрядный зануда.

— А что, драконов в человеческом облике совсем нельзя отличить от человека? — спросила я.

— Ну, посмотрите на меня, к примеру, — усмехнулся Гаррет. — Вы же не заподозрили, что я дракон, верно? А отличить можно. — Он закатал рукав свободной белой рубахи и показал мне предплечье, на котором красовалась очень реалистичная татуировка в виде неширокого браслета из некрупных темно-рыжих чешуек.

«Это не татуировка, это же и есть чешуйки!» — осенило меня.

Новое потрясение в мою психику просто не вмещалось. Так что очередную сногшибательную новость я пережила с олимпийским спокойствием. Мысли текли в голове медленно и лениво, как тяжелые кучевые облака в знойный полдень... Этот милый дедушка напротив меня — дракон. Надеюсь, он меня не съест. По крайней мере, понятно, почему он так подробно о драконах рассказывает. Вот взглянуть бы на него в другом виде, так-то даже неинтересно. Впрочем, возможно, дракон в драконьем виде — это последнее, что видят нессы перед смертью...

Нечеловеческим усилием воли взяв себя в руки, я решила, что общетеоретических сведений про Тассин на сегодня достаточно, пора переходить к практическим вопросам относительно меня.

— А люди? — спросила я нетерпеливо. — Те, что попадают к вам сюда? У нас довольно много рассказов о драконах и эльфах. Выходит, они попадали, а потом возвращались?

— Вы мне не верите? — удивился ньес Гаррет.

— Почему же? Вы — дракон, я поняла. Даже чешуя есть, — стараясь быть как можно убедительнее, произнесла я, напряженно не допуская в свою голову более простых объяснений. Может быть, после моего рассказа меня поместили в психушку? И теперь еще и *та* дейст-

вительность накладывается на мой околосказочный бред? Черт, и ведь не отличишь...

— Ммм... как-то совсем безэмоционально реагируете, — недовольно нахмурился ньес Гаррет. — Вероятно, у вас все-таки шок. *Люди* с Земли не попадают на Тассин, слишком разная плотность существей. Сказками о магии вы обязаны тем, кто не окончательно утратил память при перерождениях, — рассеянно пояснил он, пристально всматриваясь в мое лицо. — Да-да, определенно шок, вот и зрачки слабо реагируют на свет... Так, полагаю, на сегодня вам достаточно.

— Нет! Ньес Гаррет, вы не сказали про меня! А как же я?! — Мне вдруг стало томительно-тревожно, голос сорвался на пронзительный писк, в груди заняло от мрачных предчувствий. Гаррет потер лоб, потом посмотрел на меня в упор и выдал:

— А вы, несса, не человек. Вы — дракон. Точнее, драконий ребенок. Куколка, которой очень скоро пора превращаться в бабочку. — Это заявление пробило даже мое шоковое состояние. От неожиданности я подавилась, раскашлялась, потревожив поясницу и голову, на глаза навернулись слезы.

— О, простите! Не надо было так резко вам об этом сообщать! Я непростительно прямолинеен!

Гаррет придержал меня за плечи, мягко помассировал виски кончиками пальцев, снимая головную боль. Интересно, как такую новость можно сообщить менее резко?

— Вы... вы шутите? — Все это было настолько невероятно, что не укладывалось в голове. — Да нет же, этого не может быть! Я не чувствую в себе ничего драконьего! Ладно, я не разглядела в вас, но про себя-то я должна знать. И чешуек у меня никаких нет. — Я залезла в рукава рубахи, не без опаски проверяя свои предплечья. Никакого намека на чешуйки.

— Шутка была бы довольно неудачной, согласитесь? — Гаррет укоризненно посмотрел на меня, ото-

брал тарелку со сладостями и налил в кружку густого напитка, похожего на ароматный кисель, к счастью, несладкий. — Хотя бы это выпейте до конца, вам же нужно набираться сил. А чешуйки появятся, драконья кровь в вас пока спит, как и магия. Вот с магией у вас действительно проблемы... Впрочем, для земных драконов это совершенно нормально, думаю, и у вас все наладится.

— Что же мне делать? — жалобно спросила я. — Я что, не увижу больше свою дочь? — Гаррет при этих словах заметно передернулся. — Что со мной будет? — Кажется, настолько растерянной и беспомощной я не чувствовала себя, даже умирая в трущобах.

— Ради всего святого, не волнуйтесь, несса! Вы попали в наш мир несколько... неудачным образом. На вас напали, вы сейчас не в лучшей форме, но, уверяю вас, основные проблемы позади. Вашу дочь мы будем искать — есть *небольшой* шанс, что она также окажется драконом и мы сможем переместить ее на Тассин. — Несмотря на то что он выделил интонацией слово *небольшой*, я почувствовала такое облегчение, что снова разрыдалась. Дракон выдал мне крошечный стаканчик с какими-то каплями и носовой платок, настолько белый и изящный, что им как-то неловко было вытирать мой сопливый нос. Дождавшись, пока я немного успокоюсь, он продолжал:

— Сейчас вам нужно выздороветь, освоиться в этом мире... — Мужчина задумчиво покрутил массивный сине-оранжевый перстень на длинном нервном пальце, видимо размышляя, что еще можно мне сказать, и наконец решился: — Чтобы вы четко понимали ситуацию. Согласно нашим законам, вы — несовершеннолетний дракон, несса Сашша, сирота. И до достижения вами дееспособного возраста, то есть примерно до восьмидесяти лет, либо до вашего... гм... если по-земному — вступления в брак, вам необходим опекун. Этим опекуном буду я.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1. На пороге чуда</i>	7
<i>Глава 2. Две луны</i>	17
<i>Глава 3. Новая жизнь</i>	35
<i>Глава 4. Ученье — свет</i>	51
<i>Глава 5. О ранних браках</i>	60
<i>Глава 6. Драконье зрение</i>	74
<i>Глава 7. Драконьи секреты</i>	86
<i>Глава 8. Уговор</i>	99
<i>Глава 9. Вопросы теологии</i>	108
<i>Глава 10. Эксперт-самозванец</i>	128
<i>Глава 11. Катание на драконе</i>	136
<i>Глава 12. Дела семейные</i>	152
<i>Глава 13. Магия</i>	170
<i>Глава 14. Соль земли</i>	187
<i>Глава 15. Настоящий детектив</i>	201
<i>Глава 16. Дедуктивный метод</i>	223
<i>Глава 17. О природе озарений</i>	231
<i>Глава 18. О гениальных идеях</i>	242
<i>Глава 19. Железные правила</i>	253
<i>Глава 20. Мышеловка</i>	262
<i>Глава 21. Жертвоприношение</i>	275
<i>Глава 22. О настоящих чудесах</i>	286
<i>Глава 23. Сеансы магии с разоблачением</i>	298
<i>Эпилог</i>	310